ЭРГ
1550
Коллекция из Аргентины

А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ.

В. Рудневъ.

Товарищъ Прокурора Екатеринославскаго Окружного Суда, командированный по распоряженію Министра Юстиціи Керенскаго въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію по разсмотрѣнію злоупотребленій бывшихъ Министровъ, Главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Правда о Царской Семьѣ и „темныхъ силахъ“

съ предисловіемъ Б. Гаранина.

Н. Тальбергъ.

Кара Божія.

1920 г.

ЭР1—
4550

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ.

В. Рудневъ.

Товарищъ Прокурора Екатеринославскаго Окружного Суда, командированный по распоряженію Министра Юстиціи Керенскаго въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію по разсмотрѣнію злоупотребленій бывшихъ Министровъ, Главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Правда о Царской Семьѣ и „темныхъ силахъ"

съ предисловіемъ Б. Гаранина.

Н. Тальбергъ.

Кара Божія.

ДАР
исторической
библиотеки России
от Ю. Л. Лукина

1920 г.

ГПИБ России
267542
Федеральное государственное
учреждение культуры
"Государственная
публичная историческая
библиотека России"
№267542 2005 г.

Типографія Евгенія Александровича Гутнова,
Berlin S. 14, Dresdnerstr. 82-83

Предисловіе.

Изъ всѣхъ орудій политической борьбы нѣтъ болѣе подлаго, чѣмъ клевета; но нѣтъ и болѣе сильнаго. Съ идейной антиправительственной пропагандой можно бороться тѣмъ же идейнымъ путемъ; заговоръ можно раскрыть; возстаніе можно подавить. Но какъ парализовать дѣйствіе планомѣрной систематической клеветы, къ услугамъ которой — и пресса, и парламентская трибуна и тысячеустая молва?

Это поняли творцы „великой" русской революціи. Задавшись цѣлью низвергнуть, во имя захвата власти въ свои руки, Императорскій Тронъ и отлично сознавая, что путемъ дозволенной этическими законами критики Царскаго Правительства имъ не удастся создать въ народѣ необходимое для осуществленія ихъ плана революціонное настроеніе, они предприняли противъ Царя и Династіи клеветническій походъ.

За это дѣло они съ особеннымъ рвеніемъ принялись въ то время, когда Императорская Россія, послѣ двухъ лѣтъ тяжёлой войны, была наканунѣ побѣды. Но что имъ было до этого? Побѣдоносная, могучая Россія, ведомая Царемъ къ благоденствію, славѣ и счастью, была имъ не нужна, потому что они знали, что не имъ, профессіональнымъ разрушителямъ и гробокопателямъ, будетъ въ ней удѣлено почетное мѣсто.

Для нихъ важно было одно: использовать въ своихъ видахъ глухое недовольство народа, измученнаго войной и сопряженными съ ней лишеніями.

И началась отвратительная, низкая травля, въ которой самыя лживыя обвиненія, самыя гнусныя измышленія пускались въ ходъ для того, чтобы расшатать устои Русскаго Трона, основанные на вѣрѣ народа въ Царскую милостивую и праведную власть.

Правда, Царя и Царской Семьи тогда, до революціи, открыто касаться не смѣли. Но всѣ близкія ко Двору лица обливались потоками грязи, въ расчетѣ, что недовѣріе, возбужденное въ народѣ къ нимъ, перенесется и на Державныхъ ихъ Повелителей.

Въ Государственной Думѣ Милюковъ произноситъ свою „историческую", въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ разо-

шедшуюся по всей Россіи рѣчь, въ которой онъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни единаго доказательства и основываясь исключительно на темныхъ сплетняхъ какой-то англійской газеты, обвиняетъ Распутина и Вырубову въ измѣнической работѣ на пользу врага, происходящей на глазахъ и, значитъ, съ вѣдома Императрицы. Вслѣдъ за нимъ съ такой же бездоказательной и злобной филиппикой, выступаетъ въ Думѣ „монархистъ" Пуришкевичъ, который этимъ, однако, не ограничивается; увѣренный въ своей безнаказанности, онъ совершаетъ террористическій актъ, раздутый прессой въ патріотическій подвигъ: онъ убиваетъ Распутина, — убиваетъ не какъ взяточника конечно и не какъ развратника, а какъ тайнаго вдохновителя русской политики, вліяющаго на ходъ ея во вредъ Россіи и на пользу Германіи, — чѣмъ окончательно, при услужливомъ содѣйствіи печати, укрѣпляетъ въ народѣ убѣжденіе, что при Дворѣ свила себѣ гнѣздо измѣна. Въ прифронтовыхъ учрежденіяхъ и въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ безчисленные приспѣшники Гучкова систематически отравляютъ ядомъ той же гнусной клеветы армію и фабричныхъ рабочихъ.

И клевета сдѣлала свое дѣло.

Въ роковые для Россіи февральскіе дни, когда въ Петроградѣ вспыхнуло возстаніе, организованное при помощи нѣсколькихъ, не желавшихъ сражаться, запасныхъ полковъ, русскій народъ не всталъ на защиту своего Государя.

Возстаніе превратилось въ революцію, революція смела Царскій Тронъ, растлила армію, довела Россію до предѣловъ позора и страданій. Но клеветники добились своего: хоть и на короткое время, но они получили желанные портфели и власть...

Клеветническій походъ противъ Трона не прекратился и послѣ революціи. Зная, какъ прочны древнія узы, связывающія Царя съ народомъ, и болѣе всего страшась „гидры контръ-революціи", руководители этого похода, очутившись у власти, еще удвоили свои усилія; но главною мишенью для своихъ нападковъ они избрали теперь уже не Дворъ, а беззащитную Царскую Семью, поносить Которую стало отнынѣ не только безопаснымъ, но и выгоднымъ для революціонной карьеры.

Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ длится это отвратительное зрѣлище. Болѣе трехъ лѣтъ подлыми руками треплются въ грязи кристально-чистыя, ничѣмъ незапятнанныя Имена Государя и Императрицы, виновныхъ развѣ только въ томъ, что Они слишкомъ вѣрили въ русскій народъ и слишкомъ его любили. Изъ всѣхъ обвиненій, противъ Нихъ возведенныхъ, ни одно никогда не было подкрѣплено

хоть какимъ-нибудь самымъ слабымъ доказательствомъ; всѣ они до единаго были плодами злостныхъ измышленій. Но толпа имъ вѣрила и, можетъ быть, продолжаетъ вѣрить и теперь, — какъ вѣритъ вообще всякому печатному слову.

Конечно, настанетъ день, когда правда восторжествуетъ. Безпристрастная исторія воздастъ должное и кроткимъ Царственнымъ Мученикамъ и политическимъ проходимцамъ, сознательно ихъ оклеветавшимъ.

Но когда это будетъ?

А время не ждетъ.

Нельзя допустить, чтобы современное поколѣніе питалось одной только революціонною ложью, чтобы оно оставалось въ невѣдѣніи относительно того, какими темными, недостойными путями шли къ своей цѣли творцы русской революціи. Оно должно знать правду — и только правду — о томъ, кто является истиннымъ виновникомъ этого величайшаго въ исторіи Россіи несчастія, и кто въ немъ неповиненъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ да послужитъ помѣщаемая ниже записка Товарища Прокурора Екатеринославскаго Окружного Суда В. М. Руднева, составленная имъ на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ во время командированія его въ 1917 г., по распоряженію бывшаго Министра Юстиціи Керенскаго, въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію по разсмотрѣнію злоупотребленій бывшихъ министровъ, главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Какъ извѣстно, комиссія эта была учреждена временнымъ правительствомъ въ первые же дни революціи; съ какою цѣлью? Очевидно, съ цѣлью получить хоть какія-нибудь документально установленныя доказательства справедливости обвиненій, возведенныхъ революціей противъ Императорской Четы и приближенныхъ къ Ней лицъ. Между прочимъ, въ составъ комиссіи, по выбору Керенскаго, вошелъ и В. М. Рудневъ, которому была поручена спеціальная задача обслѣдовать дѣятельность „темныхъ силъ", каковое названіе революціонные борзописцы и митинговые ораторы присвоили группѣ лицъ, будто бы пользовавшихся при Дворѣ особеннымъ вліяніемъ.

По счастливой случайности, выборъ Керенскаго упалъ на этотъ разъ на судью добросовѣстнаго и безпристрастнаго.

Вѣроятно, В. М. Рудневъ былъ убѣжденнымъ либераломъ; вѣроятно, онъ примыкалъ къ стану тѣхъ, кто привѣтствовалъ революцію, кто считалъ ее спасительной для Россіи. Иначе ему не было бы дано столь важное, съ точки зрѣнія революціоннаго правительства, порученіе. Самъ онъ въ своей запискѣ говоритъ, что онъ былъ

предубѣжденъ противъ лицъ, которыхъ ему предстояло допросить въ качествѣ обвиняемыхъ.

Но онъ былъ прежде всего честнымъ человѣкомъ.

Онъ прочиталъ всѣ относящіеся къ дѣлу документы, допросилъ множество свидѣтелей, лично присутствовалъ при обыскахъ и выемкахъ, — и не нашелъ ничего — ни одной строчки, ни одного показанія, ни одного факта, которые подтверждали бы справедливость обвиненій.

Когда такимъ обарзомъ стало яснымъ, что разслѣдованіе, начатое для того, чтобы покрыть Царскую Семью позоромъ, привело къ установленію совершенной Ея невинности, предсѣдатель комиссіи, прис. пов. Муравьевъ, сталъ пытаться побудить В. М. Руднева къ пристрастному образу дѣйствій, — на что В. М. Рудневъ не согласился и подалъ въ августѣ 1917 г. рапортъ объ отчисленіи.

Конечно, правительствомъ Керенскаго было тогда сдѣлано все возможное для того, чтобы результаты дознанія честнаго и неподкупнаго судьи не стали достояніемъ гласности.

Но, къ счастью, подлинная записка В. М. Руднева — собственноручно имъ отъ первой и до послѣдней строчки написанная — сохранилась въ неприкосновенности и нынѣ, наконецъ, представляется возможность опубликовать ее.

Время изглаживаетъ въ памяти подробности когда-то прочитаннаго и слышаннаго; сохраняется лишь общее впечатлѣніе. Поэтому не лишнимъ будетъ напомнить читателю, къ чему сводилась сущность обвиненій, возводившихся дѣятелями революціи на Царскую Семью и на лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ запискѣ В. М. Руднева.

Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна обвинялась въ томъ, что, оставшись въ душѣ нѣмкой и не любя Россіи, она впродолженіи всей войны втайнѣ сочувствовала тогдашнему врагу Россіи — Германіи. Когда стало яснымъ, что побѣда будетъ на сторонѣ союзниковъ, она, будто бы, употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы заставить Государя заключить сепаратный миръ съ Германіей. Въ этомъ дѣлѣ ей якобы способствовали Распутинъ и А. А. Вырубова, а также министры Протопоповъ и Штюрмеръ. Далѣе, клеветники утверждали, что, будучи крайне честолюбивой, Императрица замышляла лишить власти Государя, чтобы самой, по примѣру Екатерины II-ой, сдѣлаться Повелительницей Россіи. Но даже и на этомъ они не останавливались. Съ цѣлью окончательно очернить Ея Величество не только какъ Государ-

рыню, но и какъ женщину, какъ супругу и мать, они пытались набросить грязную тѣнь на отношенія Ея къ Распутину,

Про Распутина распространялись слухи, что онъ, будучи секретнымъ германскимъ агентомъ и крайнимъ реакціонеромъ, вліяетъ на Государя въ смыслѣ назначенія на высшіе посты враговъ народа и убѣжденныхъ сторонниковъ сепаратнаго мира съ Германіей.

А. А. Вырубова выставлялась клеветниками, какъ любовница Распутина, которому она, благодаря вліянію своему при Дворѣ, оказывала содѣйствіе въ достиженіи преступныхъ его цѣлей.

Къ этимъ именамъ, неизвѣстно почему, приплетались имена еще двухъ лицъ, даже постояннаго доступа ко Двору не имѣвшихъ: доктора тибетской медицины Бадмаева и чиновника для особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода князя Андронникова, которымъ тоже приписывалось губительное для Россіи вліяніе на Государя и Императрицу.

Таковы были обвиненія.

А въ чемъ заключается правда — это читатель увидитъ изъ записки В. М. Руднева.*)

Борисъ Гаранинъ.

---

*) Канвой для заключительной части этого предисловія послужило вступительное слово, предпосланное ген Нечволодовымъ, изданному имъ въ Парижѣ французскому переводу записки В. М. Руднева.

Правда о Царской Семьѣ и „темныхъ силахъ".

Записка, составленная командированнымъ по распоряженію бывшаго Министра Юстиціи Керенскаго въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію по разслѣдованію злоупотребленій бывшихъ Министровъ, Главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должественныхъ лицъ, Товарищемъ Прокурора Екатеринославскаго Окружного Суда, Владиміромъ Михайловичемъ Рудневымъ.

Состоя Товарищемъ Прокурора Екатеринославскаго Окружного Суда, 11-го марта 1917 г., ордеромъ Министра Юстиціи Керенскаго, я былъ командированъ въ Петроградъ, въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію по разслѣдованію злоупотребленій бывшихъ Министровъ, Главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ.

Въ Петроградѣ, работая въ этой Комиссіи, я получилъ спеціальное порученіе обслѣдовать источникъ „безотвѣтственныхъ" вліяній при Дворѣ, причемъ этому отдѣлу Комиссіи было присвоено наименованіе: „Обслѣдованіе дѣятельности темныхъ силъ." Занятія Комиссіи продолжались до послѣднихъ чиселъ августа 1917 г., когда я подалъ рапортъ объ отчисленіи ввиду попытокъ со стороны предсѣдателя Комиссіи прис. пов. Муравьева побудить меня на явно пристрастныя дѣйствія. Мнѣ, какъ лицу, командированному съ правами Судебнаго Слѣдователя, было предоставлено производство выемокъ, осмотровъ, допросъ свидѣтелей и т. д. Въ цѣляхъ всесторонняго и безпристрастнаго освѣщенія дѣятельности всѣхъ лицъ, относительно которыхъ въ періодической печати и обществѣ составилось представленіе, какъ о людяхъ, имѣвшихъ исключительное вліяніе на направленіе внутренней и внѣшней политики, мною были разобраны и осмотрѣны архивы Зимняго Дворца, Царскосельскаго и Петергофскаго Дворцовъ, а равно и личная переписка Государя, Императрицы, нѣкоторыхъ Великихъ Князей, а такъ-же и переписка, отобранная при обыскѣ у Епископа Варнавы, Графини С. С. Игнатьевой, доктора Бадмаева, В. И. Воейкова и другихъ прежде высокопоставленныхъ лицъ.

При производствѣ разслѣдованія было обращено особое вниманіе на личность и характеръ дѣятельности Г. Е. Распутина и А. А. Вырубовой, также и на отношеніе Царской Семьи къ Германской Императорской Фамиліи.

Считая, что задача моего обслѣдованія имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ освѣщенія событій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ революцію, я снималъ копіи со всѣхъ протоколовъ, осмотровъ, проходившихъ черезъ мои руки документовъ, а равно и со свидѣтельскихъ показаній.

Уѣзжая изъ Петрограда, я захватилъ съ собой всѣ эти копіи въ Екатеринославъ, гдѣ онѣ хранились въ моей квартирѣ, но теперь, вѣроятно, разграблены, при разгромѣ моей квартиры, большевиками. Если же, сверхъ ожиданія, копіи этихъ документовъ не уничтожены и я доживу до того времени, когда получу ихъ въ свои руки, то я предполагаю опубликовать ихъ въ печати полностью, не дѣлая никакихъ выводовъ, ни заключеній.

Теперь же я считаю необходимымъ представить краткій очеркъ характеристики главныхъ дѣятелей той области, которая называлась печатью и общественнымъ мнѣніемъ „областью темныхъ силъ", причемъ, такъ какъ очеркъ этотъ составляется мною по памяти, то въ немъ, конечно, будетъ упущено много, быть можетъ, интересныхъ подробностей.

Прибывъ въ Петроградъ въ Слѣдственную Комиссію, я приступилъ къ исполненію моей задачи съ невольнымъ предубѣжденіемъ относительно причинъ вліянія Распутина, вслѣдствіе читанныхъ мною отдѣльныхъ брошюръ, газетныхъ замѣтокъ и слуховъ, циркулировавшихъ въ обществѣ, но тщательное и безпристрастное разслѣдованіе заставило меня убѣдиться, насколько всѣ эти слухи и газетныя сообщенія были далеки отъ истины.

Наиболѣе интересной личностью, которой приписывалось вліяніе на внутреннюю политику, былъ Григорій Распутинъ, а поэтому естественно, что его фигура явилась центральной при выполненіи возложенной на меня задачи. Однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ матеріаловъ для освѣщенія личности Распутина послужилъ журналъ наблюденій негласнаго надзора, установленнаго за нимъ охраннымъ отдѣленіемъ и веденнаго до самой его смерти. Наблюденіе за Распутинымъ велось двоякое: наружное и внутреннее. Наружное сводилось къ тщательной слѣжкѣ при выѣздахъ его изъ квартиры, а внутреннее осуществлялось при посредствѣ спеціальныхъ агентовъ, исполнявшихъ обязанности охранителей и лакеевъ.

Журналъ этихъ наблюденій велся съ поразительной точностью изо дня въ день и въ немъ отмѣчались даже кратковременныя отлучки, хотя-бы на два-три часа, причемъ обозначалось какъ время выѣздовъ и возвращеній, такъ и всѣ встрѣчи по дорогѣ. Что касается внутренней агентуры, то послѣдняя отмѣчала фамиліи лицъ, посѣ-

щавшихъ Распутина, и всѣ посѣтители аккуратно вносились въ журналъ; при этомъ, такъ какъ фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ не были извѣстны агентамъ, то въ этихъ случаяхъ описывались подробно примѣты посѣтителей. Познакомившись съ этими документами, а также допросивъ рядъ свидѣтелей, фамиліи которыхъ въ документахъ упоминались, и сопоставивъ эти показанія, я пришелъ къ заключенію, что личность Распутина, въ смыслѣ своего душевнаго склада, не была такъ проста, какъ объ этомъ говорили и писали.

Изслѣдуя нравственный обликъ Распутина, я, естественно, обратилъ вниманіе на историческую послѣдовательность тѣхъ событій и фактовъ, которые въ концѣ концовъ открыли ему доступъ ко Двору и я выяснилъ, что первымъ этапомъ въ этомъ постепенномъ продвиженіи впередъ было его знакомство съ извѣстными глубокорелигіозно настроенными и несомнѣнно умными Архіепископами Феофаномъ и Гермогеномъ. Убѣдившись, на основаніи тѣхъ же документовъ, что тотъ же Григорій Распутинъ сыгралъ роковую роль въ жизни этихъ столповъ Православной церкви, будучи причиной удаленія Гермогена въ одинъ изъ монастырей Саратовской Эпархіи на покой, и низведенія Феофана на роль провинціальнаго Епископа, тогда, когда эти истинно православные Епископы, замѣтивъ проснувшіеся въ Григоріѣ Распутинѣ темные инстинкты, открыто вступили съ нимъ въ борьбу, — я пришелъ къ заключенію, что несомнѣнно въ жизни Распутина, простого крестьянина Тобольской губерніи, имѣло мѣсто какое то большое и глубокое душевное переживаніе, совершенно измѣнившее его психику и заставившее его обратиться ко Христу, такъ какъ только наличностью этого искренняго Богоисканія у Распутина въ тотъ періодъ времени и можетъ быть объяснено сближеніе его съ указанными выдающимися Пастырями. Это мое предположеніе, основанное на сопоставленіи фактовъ, нашло себѣ подтвержденіе въ безграмотно составленныхъ Распутинымъ воспоминаніяхъ о хожденіи по святымъ мѣстамъ. Отъ этой книги, написанной Григоріемъ Распутинымъ, дышетъ наивной простой и задушевной искренностью. Опираясь на содѣйствіе и авторитетность указанныхъ Архіепископовъ, Григорій Распутинъ былъ принятъ во дворцахъ Великихъ Княгинь Анастасіи и Милицы Николаевенъ, а затѣмъ, черезъ посредство послѣднихъ, знакомится съ г-жей Вырубовой, тогда еще фрейлиной Танѣевой, и производитъ на нее, женщину истинно-религіозно настроенную, огромнѣйшее впечатлѣніе; наконецъ, онъ попадаетъ и въ Царскій Дворъ. Здѣсь у него, видимо, пробуждаются заглохшіе низкіе истинкты и онъ превращается въ тонкаго эксплоататора довѣрія Высокихъ Особъ къ его святости.

При этомъ надо замѣтить, что онъ свою роль выдерживаетъ съ удивительно-продуманной послѣдовательностью. Какъ показало обслѣдованіе переписки по сему поводу, а затѣмъ какъ подтвердили и свидѣтели, Распутинъ категорически отказывался отъ какихъ либо денежныхъ пособій, наградъ и почестей несмотря на прямыя, обращенныя со стороны ихъ Величествъ, предложенія, какъ бы тѣмъ самымъ подчеркивая свою неподкупность, безсеребренность и глубокую преданность Престолу, предупреждая въ тоже время Царскую Семью, что онъ — единственный предстатель за Нее передъ престоломъ Всевышняго, что всѣ завидуютъ его положенію, всѣ интригуютъ противъ него, всѣ клевещутъ на него и что поэтому къ такимъ доносамъ надо относиться отрицательно. Единственно, что позволялъ себѣ Распутинъ, это оплату его квартиры изъ средствъ Собственной Его Величества Канцеляріи, а также принимать подарки Собственной работы Царской Семьи — рубашки, пояса и прочее.

Входилъ Распутинъ въ Царскій Домъ всегда съ молитвою на устахъ, обращаясь къ Государю и Императрицѣ на „ты" и трижды съ ними лобызаясь по Сибирскому обычаю. Извѣстно, что онъ говорилъ Государю: „моя смерть будетъ и твоей смертью" и при этомъ установлено, что при Дворѣ онъ пользовался репутаціей человѣка, обладающаго даромъ предсказывать событія, облекая свои предсказанія въ загадочныя формы, по примѣру древней Пиѳіи.

Источникомъ средствъ для Распутина служили тѣ прошенія разныхъ лицъ по поводу перемѣщеній, назначеній, помилованій, которыя составлялись на Высочайшее Имя и передавались во Дворецъ черезъ его руки. Въ цѣляхъ большей авторитетности своего голоса Распутинъ поддерживалъ такія ходатайства, при бесѣдѣ съ Ихъ Величествами, облекая ихъ въ особыя формы предсказаній и подчеркивая, что удовлетвореніе этихъ просьбъ ниспошлетъ особые дары и счастье Царской Семьѣ и Странѣ.

Къ сказанному выше необходимо добавить, что Распутинъ несомнѣнно обладалъ въ сильной степени какой-то непонятной внутренней силой въ смыслѣ воздѣйствія на чужую психику, представлявшей родъ гипноза. Такъ, между прочимъ, мной былъ установленъ несомнѣнный фактъ излѣченія имъ припадковъ пляски Св. Витта у сына близкаго знакомаго Распутина, — Симановича, студента Коммерческаго Института, причемъ всѣ явленія этой болѣзни исчезли навсегда послѣ двухъ сеансовъ, когда Распутинъ усыплялъ больного.

Запечатленъ мною и другой яркій случай проявленія этой особенной психической силы Распутина, когда онъ

былъ вызванъ зимой 1814—1915 г. въ будку желѣзнодорожнаго сторожа Царскосельской дороги, гдѣ, послѣ крушенія поѣзда, лежала въ совершенно безсознательномъ состояніи, съ раздробленными ногами и тазобедерной костью и съ трещинами черепа, Анна Александровна Вырубова. Около нея въ то время находились Государь и Императрица. Распутинъ, поднявъ руки къ верху, обратился къ лежащей Вырубовой со словами: „Аннушка, открой глаза". И тотчасъ она открыла глаза и обвела ту комнату, въ которой лежала. Конечно, это произвело сильное впечатлѣніе на окружающихъ, а въ частности на Ихъ Величествъ и, естественно, содѣйствовало укрѣпленію его авторитета.

Вообще надо сказать, что Распутинъ, несмотря на свою малограмотность, былъ далеко незаурядным человѣкомъ и отличался отъ природы острымъ умомъ, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно мѣтко выражаться, особенно давая характеристики отдѣльнымъ лицамъ. Его внѣшняя грубость и простота обращенія, напоминавшія порою юродиваго, были несомнѣнно искуственны; ими онъ старался подчеркнуть срое крестьянское происхожденіе и свою неинтеллигентность.

Въ виду того, что въ періодической прессѣ удѣлялось много мѣста разнузданности Распутина, ставшей синонимомъ его фамиліи, на это обстоятельство при производствѣ слѣдствія было также обращено надлежащее вниманіе, и богатѣйшій матеріалъ для освѣщенія его личности съ этой стороны оказался въ данныхъ того самаго негласнаго наблюденія за нимъ, которое велось охраннымъ отдѣленіемъ. При этомъ выяснилось, что амурныя похожденія Распутина не выходили изъ рамокъ ночныхъ оргій съ дѣвицами легкаго поведенія и шансонетными пѣвицами, а также иногда и съ нѣкоторыми изъ его просительницъ. Что же касается его близости къ дамамъ высшаго общества, то въ этомъ отношеніи никакихъ положительныхъ матеріаловъ наблюденіемъ и слѣдствіемъ добыто не было.

Но имѣютая указанія, что въ пьяномъ видѣ онъ старался создать иллюзію своей интимной близости къ Высшимъ кругамъ, въ особенности передъ тѣми, съ которыми онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и которымъ онъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Такъ, напримѣръ, при обыскѣ у Епископа Варнавы была найдена телеграмма Распутина на его имя: „милой, дорогой, пріѣхать не могу, плачутъ мои дуры, не пущаютъ". Ввиду свѣдѣній, что Распутинъ въ Сибири мылся въ банѣ вмѣстѣ съ женщинами, родилось предположеніе о его принадлежности къ сектѣ хлыстовъ. Съ цѣлью выяснить этотъ вопросъ

Верховной Слѣдственной Комиссіей былъ приглашенъ Профессоръ по кафедрѣ сектантства Московской Духовной Академіи Громогласовъ; послѣдній ознакомился со всѣмъ слѣдственнымъ матеріаломъ и, считаясь съ тѣмъ, что совмѣстное мытье мужчинъ съ женщинами въ баняхъ является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Субири общепринятымъ обычаемъ, не нашелъ никакихъ указаній на принадлежность его къ хлыстамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изучивъ все написанное Распутинымъ по религіознымъ вопросамъ, Громогласовъ также не усмотрѣлъ никакихъ признаковъ хлыстовства.

Вообще Распутинъ по природѣ былъ человѣкъ широкаго размаха; двери его дома были всегда открыты; тамъ всегда толпилась самая разнообразная публика, кормясь на его счетъ; въ цѣляхъ созданія вокругъ себя ореола благотворителя по слову Евангелія: „рука дающаго не оскудѣетъ", Распутинъ, постоянно получая деньги отъ просителей за удовлетвореніе ихъ ходатайствъ, широко раздавалъ эти деньги нуждающимся и вообще лицамъ бѣдныхъ классовъ, къ нему обращавшимся тоже съ какими либо просьбами, даже и не матеріальнаго характера. Этимъ онъ создалъ себѣ популярность благотворителя и безсеребренника; кромѣ того, большія суммы Распутинъ сорилъ по ресторанамъ и загороднымъ садамъ, вслѣдствіе чего никакихъ особенныхъ средствъ послѣ его смерти семьѣ его, проживавшей въ Сибири, оставлено не было.

Слѣдствіемъ былъ собранъ многочисленный матеріалъ относительно просьбъ, проводимыхъ Распутинымъ при Дворѣ; всѣ эти просьбы касались, какъ было выше указано, назначеній, перемѣщеній, помилованій, пожалованій, проведенія желѣзнодорожнымъ концессій и другихъ дѣлъ, но рѣшительно не было добыто никакихъ указаній о вмѣшательствѣ Распутина въ политическія дѣла, не смотря на то, что вліяніе его при Дворѣ, несомнѣнно, было велико. Примѣры этого вліянія очень многочисленны; такъ, между прочимъ, при обыскѣ въ канцеляріи Дворцоваго Коменданта, Генерала Воейкова, было обнаружено нѣсколько писемъ на его имя такого содержанія: „Енералу Фавейку. Милой, дорогой, устрой ее, Григорій". На подобныхъ письмахъ оказались отмѣтки, сдѣланныя рукой Воейкова, сводившіяся къ указанію имени, отчества и фамиліи просителей, ихъ мѣста жительства, содержаніе просьбы, отмѣтки объ удовлетвореніи просьбы и объ оповѣщеніи просителей; тождественнаго содержанія были обнаружены письма и у бывшаго предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюрмера, а равно и у другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Но всѣ эти письма касались исключительно просьбъ объ оказаніи личныхъ протекцій по поводу разныхъ случаевъ въ жизни лицъ, о которыхъ ходатайствалъ Распутинъ.

Распутинъ всѣмъ лицамъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться болѣе или менѣе часто, давалъ прозвища, нѣкоторыя изъ нихъ получили права гражданства и при Дворѣ; такъ напримѣръ: Штюрмера онъ называлъ-старикомъ, Архіепископа Варнаву Мотылькомъ, Государя-папой, Государыню-мамой. Прозвище Варнавы — „мотылекъ"—было обнаружено и въ одномъ изъ писемъ Императрицы къ Вырубовой.

Слѣдственный матеріалъ приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что источникомъ вліянія Распутина при Дворѣ была наличность высокаго религіознаго настроенія Ихъ Величествъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Ихъ искренняго убѣжденія въ святости Распутина, единственнаго дѣйствительнаго предстателя и молитвенника за Государя, Его Семью и Россію передъ Богомъ, причемъ наличность этой святости усматривалась Царской Семьей въ отдѣльныхъ случаяхъ исключительно въ воздѣйствіи Распутина на психику приближенныхъ ко Двору лицъ, какъ напримѣръ (о чемъ указано выше) приведеніе въ сознаніе Г-жи Вырубовой, затѣмъ благотворное вліяніе на здоровье Наслѣдника и рядъ удачныхъ предсказаній; при этомъ, конечно, указанное воздѣйствіе на психику должно быть объяснено наличностью необыкновенной гипнотической силы Распутина, а вѣрность предсказаній — всестороннимъ знаніемъ имъ условій придворной жизни и его большимъ практическимъ умомъ.

Этимъ вліяніемъ Распутина на Царскую Семью старались, конечно, пользоваться ловкіе люди, способствуя тѣмъ самымъ развитію въ немъ низкихъ инстинктовъ. Особенно ярко это сказалось въ дѣятельности бывшаго Министра внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостова и директора Департамента Полиціи Бѣлецкаго, которые, чтобы упрочить свое положеніе при Дворѣ, вошли въ соглашеніе съ Распутинымъ, и предложили ему такія условія: выдавать изъ секретнаго фонда Департамента Полиціи, ежемѣсячно, по 3000 руб. и единовременныя пособія въ различныхъ суммахъ, по мѣрѣ надобности, за то, чтобы Распутинъ проводилъ при Дворѣ тѣхъ кандидатовъ, которыхъ они будутъ указывать на желательные для нихъ посты. Распутинъ согласился и дѣйствительно первые два три мѣсяца выполнялъ принятыя на себя обязательства, но затѣмъ, убѣдившись, что такое соглашеніе для него невыгодно, какъ значительно сокращавшее кругъ его клiентуры, онъ, не предупреждая объ этомъ Хвостова и Бѣлецкаго, сталъ дѣйствовать самостоятельно, на свой рискъ и страхъ. Хвостовъ, удостовѣрившись въ неискренности Распутина, и опасаясь, что въ концѣ концовъ Распутинъ можетъ начать дѣйствовать противъ него, рѣшилъ открыто

вступить съ нимъ въ борьбу, учитывая, съ одной стороны, доброе къ себѣ расположеніе Царской Семьи, а съ другой расчитывая на содѣйствіе Государственной Думы, членомъ которой онъ былъ, и которая относилась къ Распутину съ крайней ненавистью. При создавшемся положеніи вещей въ очень тяжеломъ положеніи оказался Бѣлецкій, не вѣрившій въ обаяніе и мощь Хвостова при Дворѣ, и, наоборотъ, надлежаще расцѣнивавшій исключительное обаяніе Распутина на Царскую Семью. Послѣ недолгаго раздумья, Бѣлецкій рѣшилъ измѣнить своему начальнику и покровителю Хвостову, перейдя всецѣло на сторону Распутина. Занявъ такую позицію, Бѣлецкій, выражаясь языкомъ Распутина, поставилъ себѣ цѣлью „свалить Министра Хвостова". Въ конечномъ результатѣ борьбы Распутина и Бѣлецкаго противъ Хвостова и явился, такъ много нашумѣвшій въ газетахъ, пресловутый заговоръ на жизнь старца. Инсценировка этого заговора была организована Бѣлецкимъ слѣдующимъ образомъ. Онъ привлекъ для этой цѣли совершенно опустившагося, въ нравственномъ отношеніи „бывшаго человѣка" инженера Гейне, содержателя игорныхъ притоновъ въ Петроградѣ, и тайно командировалъ его въ Христіанію, такъ же къ „бывшему человѣку" разстригѣ монаху, извѣстному Иліодору - Сергѣю Труфанову, бывшему прежде другомъ Распутина. Результатомъ этой поѣздки была посылка ряда телеграммъ изъ Христіаніи къ Гейне въ Петроградъ за подписью Иліодора, въ которыхъ очень прозрачно говорилось о будто бы готовившемся ими покушеніи на жизнь Распутина. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ телеграммъ Иліодора къ Гейне, говорилось почти дословно слѣдующее: „нанятые 40 человѣкъ ждутъ, ропщутъ, переведите 30.000". Всѣ эти телеграммы, какъ поступившія изъ нейтральной страны во время войны, до выдачи ихъ адресатамъ въ копіяхъ сообщались въ Департаментъ Полиціи, но затѣмъ, безъ надлежащаго обслѣдованія, какъ это полагалось согласно законамъ военнаго времени, прямо вручались инженеру Гейне. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день Гейне, имѣя въ рукахъ эти телеграммы, является въ видѣ раскаявшагося грѣшника въ пріемную Распутина и, представляя доказательства наличности заговора принесенными съ собой телеграммами, чистосердечно сознается старцу, что участвовалъ въ заговорѣ на его жизнь, передаетъ всѣ подробности этого заговора и кончаетъ заявленіемъ, что во главѣ его стоитъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ А. Н. Хвостовъ. Всѣ эти данныя были сообщены Распутинымъ Царской Семьѣ и повлекли за собой отставку Хвостова. Какъ подробность инсценировки этого заговора интересенъ слѣдующій фактъ: въ телеграммахъ, поступавшихъ

къ Гейне изъ Христіаніи, помѣщался рядъ фамилій лицъ, проживавшихъ въ Царицынѣ, и входившихъ будто бы въ сношенія съ Иліодоромъ и даже пріѣзжавшихъ къ нему въ Христіанію для заговора. Однако, произведенное по этому поводу, по горячимъ слѣдамъ, разслѣдованіе черезъ Жандармскую полицію не только не подтвердило правдивости этихъ указаній, но доказало, что означенныя лица изъ Царицына никуда не уѣзжали, какъ о томъ свидѣтельствовали акты осмотра домовыхъ книгъ и другихъ документовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что А. Н. Хвостовъ былъ лично очень цѣнимъ и уважаемъ Государемъ, а въ особенности Императрицей, которые, по свидѣтельскимъ показаніямъ личностей, близко стоящихъ ко Двору, считали его религіозно настроеннымъ и въ высшей степени преданнымъ Царской Семьѣ и Россіи. Слѣдующій однако эпизодъ показываетъ, насколько Хвостовъ прежде всего заботился и оберегалъ свои личные интересы: однажды онъ пригласилъ къ себѣ Жандармскаго Генерала Комиссарова и предложилъ ему немедленно, переодѣвшись въ штатское, поѣхать къ Распутину и привести его къ Митрополиту Питириму, что тотъ и исполнилъ. Исполняя порученіе Хвостова, Комиссаровъ вмѣстѣ въ Распутинымъ прошелъ въ покои Питирима, гдѣ въ одной изъ комнатъ ихъ встрѣтилъ служка Питирима, который, принявъ ихъ, удалился во внутренніе покои съ докладомъ къ Его Высокопреосвященству. Вскорѣ послѣ этого въ ту же комнату вошелъ самъ Питиримъ и здѣсь, когда ему Распутинъ представилъ Генерала Комиссарова, послѣдній замѣтилъ, какъ Питириму было непріятно на этотъ разъ появленіе въ его покояхъ Жандармскаго Генерала. Тѣмъ не менѣе Питиримъ пригласилъ ихъ слѣдовать за собой и, когда они вошли въ гостинную, то увидѣли сидѣвшаго здѣсь на диванѣ Хвостова. При видѣ Распутина, Хвостовъ сталъ нервно смѣяться и переговариваться съ Питиримомъ, а затѣмъ, пробывъ недолгое время, попросилъ Комиссарова сопровождать себя домой. Комиссаровъ, оказавшись въ крайне неловкомъ положеніи, совершенно не понималъ происшедшаго. Проѣзжая въ автомобилѣ, Хвостовъ спросилъ Комиссарова: „Вы что нибудь, Генералъ, понимаете“, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, заявилъ: „знаемъ теперь, въ какихъ отношеніяхъ состоитъ Питиримъ съ Распутинымъ, а вѣдь когда вы съ нимъ пріѣхали въ покой Митрополита и служка доложилъ ему о Вашемъ пріѣздѣ, то этотъ члеловѣкъ, не имѣющій, по его словамъ, ничего общаго съ Распутинымъ, сказалъ мнѣ: разрѣшите отлучиться на нѣсколько минутъ, такъ какъ ко мнѣ пріѣхалъ именитый грузинъ, а теперь мы знаемъ, какіе грузины

ѣздятъ къ Вашему Преосвященству". Этотъ эпизодъ мнѣ сталъ извѣстенъ изъ допроса Ген. Комиссарова.

Изъ всѣхъ Государственныхъ дѣятелей Хвостовъ былъ ближе всего къ Распутину, что же касается до столь нашумѣвшихъ отношеній его съ Штюрмеромъ, то въ дѣйствительности отношенія эти не выходили изъ области обмѣна любезностями. Штюрмеръ, считаясь съ вліяніемъ Распутина, исполнялъ его просьбы относительно устройства отдѣльныхъ лицъ, посылалъ иногда фрукты, вино и закуски, но данныхъ о вліяніи Распутина на направленіе внѣшней политики Штюрмера слѣдствіемъ не добыто было рѣшительно никакихъ.

Не больше была связь съ Распутинымъ и у Министра Внутреннихъ дѣлъ Протопопова, котораго Распутинъ почему то называлъ „Калининъ", хотя надо сказать, что Распутинъ относился къ Протопопову съ большей симпатіей и всячески старался защищать его, хвалить и выгораживать передъ Государемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо положеніе Протопопова колебалось. Происходило это почти всегда въ отсутствіи Государя изъ Царскаго Села путемъ предсказаній Императрицѣ, имѣвшихъ характеръ изрѣченій Пифіи, гдѣ сначала говорилось о другихъ, а затѣмъ уже переходилось къ восхваленію личности Протопопова, какъ преданнаго и вѣрнаго Царской Семьѣ человѣка.

Подобное отношеніе Распутина къ Протопопову создало для послѣдняго благопріятное отношеніе со стороны Императрицы. При осмотрѣ бумагъ Протопопова, было найдено нѣсколько типичныхъ писемъ Распутина, начинавшихся словами „милой, дорогой", но всегда говорившихъ только о какихъ-либо интересахъ частныхъ лицъ, за которыхъ Распутинъ хлопоталъ. Среди бумагъ Протопопова, также какъ и среди бумагъ всѣхъ остальныхъ высокопоставленныхъ лицъ, не было найдено ни одного документа, указывавшаго на вліяніе Распутина на внѣшнюю и внутреннюю политику.

Протопоповъ отличался, можно сказать, удивительной слабостью воли, хотя всю свою длинную карьеру до Министра Внутреннихъ Дѣлъ проходилъ въ качествѣ выборнаго лица разныхъ общественныхъ группъ, вплоть до должности товарища Предсѣдателя Государственной Думы. Такъ какъ періодической печатью Протопопову приписывалась жестокая попытка подавленія народныхъ волненій въ первые дни революціи, — якобы выразившаяся въ установкѣ на крышахъ домовъ пулеметовъ для разстрѣловъ безоружныхъ толпъ манифестантовъ, — то на предварительномъ слѣдствіи на это обстоятельство было обращено особое вниманіе Предсѣдателемъ Комиссіи, пр.

пов. Муравьевымъ, поручившимъ обслѣдованіе этихъ событій спеціальному слѣдователю Ювжику Компанейцу, установившему, путемъ допроса нѣсколькихъ лицъ и провѣркой отобранныхъ войсками пулеметовъ, найденныхъ на улицахъ Петрограда въ первые дни революціи, что всѣ эти пулеметы принадлежали войсковымъ частямъ, и что ни одного полицейскаго пулемета не было не только на крышахъ домовъ, но и на улицахъ, причемъ, вообще, никакихъ пулеметовъ на крышахъ домовъ не стояло, кромѣ ограниченнаго числа пулеметовъ, поставленныхъ съ самаго начала войны на нѣкоторыхъ высокихъ домахъ для защиты отъ налета непріятельскихъ воздушныхъ машинъ.

Вообще нужно сказать, что въ критическіе дни февраля 1917 г. Протопоповъ проявилъ полную нераспорядительность, а съ точки зрѣнія дѣйствовавшаго закона — преступную слабость.

Несомнѣнно, въ прессѣ и въ петроградскомъ обществѣ создалось мнѣніе о близкихъ отношеніяхъ Распутина къ двумъ политическимъ авантюристамъ, — доктору Бадмаеву и князю Андронникову, будто бы имѣвшимъ черезъ него вліяніе на политику.

Слѣдствіе показало полное несоотвѣтствіе этихъ слуховъ съ дѣйствительностью. Однако можно сказать, что оба эти лица всячески старались быть прихвостнями Распутина, пользуясь крохами, падающими съ его стола, и стараясь преувеличить передъ своими кліентами свое вліяніе на Распутина, на котораго они такового вовсе не имѣли, и черезъ то поддержать мнѣніе о своемъ якобы при Дворѣ вліяніи.

Изъ этихъ двухъ лицъ наиболѣе интереснымъ по времени своей дѣятельности является князь Андронниковъ, такъ какъ сколько-нибудь значительныя связи Бадмаева съ руководящими кругами — относятся къ царствованію Императора Александра III-го.

Личность и характеръ дѣятельности кн. Андронникова на слѣдствіи съ поразительной яркостью была освѣщена огромнымъ количествомъ разныхъ документовъ, отобранныхъ мною при обыскѣ въ его квартирѣ, отнявшемъ у меня цѣлыхъ два дня въ мартѣ 1917 г. Изъ квартиры Андронникова я привезъ въ Зимній Дворецъ въ помѣщеніе Комиссіи на двухъ автомобиляхъ колоссальный архивъ. При этомъ надо отдать полную справедливость князю Андронникову въ томъ, что кацелярская часть была поставлена у него безукоризненно. Все дѣлопроизводство его разбиралось по папкамъ на опредѣленныя Министерства, которыя въ свою очередь распадались на Департаменты.

Дѣла оказались вложенными въ обложки съ соотвѣт-

ствующими надписями, подшитыми, занумерованными и свидѣтельствовали о тщательномъ наблюденіи со стороны князя Андронникова за ихъ движеніемъ. При изученіи ихъ выяснилось, что кн. Андронниковъ за опредѣленную мзду не гнушался никакими ходатайствами и предстательствами. Такъ одновременно кн. Андронниковъ ходатайствовалъ о выдачѣ пенсіи какой-либо вдовѣ чиновника, не выслужившаго срокъ на эту пенсію, какъ равно проводилъ черезъ Министерства Финансовъ и Земледѣлія весьма сложный проектъ акціонерной компаніи, въ которой, судя по договору, онъ лично игралъ одну изъ видныхъ ролей: объ орошеніи Мургабской степи, насколько помню.

Система, принятая кн. Андронниковымъ, занимавшаго скромный постъ чиновника особыхъ порученій Святѣйшаго Синода, для проведенія своихъ ходатайствъ, была очень проста. Согласно его признанію, получая свѣдѣнія о назначеніи совершенно ему неизвѣстнаго лица на должность хотя бы директора департамента въ какомъ-нибудь министерствѣ, онъ посылалъ этому лицу поздравительное письмо, трафаретно его начиная: „наконецъ то воссіяло солнце надъ Россіей, и высокій отвѣтственный постъ отнынѣ ввѣренъ Вашему Превосходительству," послѣ чего слѣдовалъ рядъ самыхъ лестныхъ эпитетовъ, украшавшихъ это лицо талантами, добродѣтелями и прочее, а иногда къ такому письму прилагался княземъ Андронниковымъ и образъ въ видѣ его благословенія.

Естественно, что полученіе такого письма обязывало данное должностное лицо, изъ чувства деликатности и благодарности, отвѣтомъ, а результатомъ этого являлся личный визитъ князя къ означенному сановнику въ его служебный кабинетъ въ Департаментъ, чѣмъ и завязывалось знакомство. Такія посѣщенія княземъ административныхъ лицъ сравнительно высокаго ранга создавали у чиновниковъ, служащихъ въ канцеляріи послѣдняго, представленіе о добрыхъ отношеніяхъ князя къ ихъ начальникамъ, отсюда вытекало и болѣе внимательное отношеніе къ бумагамъ, поступившимъ въ Департаментъ черезъ посредство князя. Князь Андронниковъ, при стремленіи своемъ увеличить представленіе объ авторитетности своего вліянія при Дворѣ, не гнушался никакими средствами, вплоть до дружбы съ гофъ-курьерами, которые, развозя Высочайшіе приказы о пожалованіяхъ, неукоснительно заѣзжали къ другу-князю, а послѣдній, не стѣсняясь въ угощеніи ихъ виномъ и яствами, тѣмъ временемъ осторожно вскрывалъ пакеты и, узнавъ такимъ образомъ содержаніе рескрипта о неожиданномъ Высокомъ пожалованіи, задерживая загулявшаго гофъ-курьера у себя въ

столовой, спѣшилъ по телефону поздравить съ высокимъ отличіемъ неожидавшаго или ожидавшаго его сановника, давая ему понять, что ему извѣстно объ этомъ непосредственно изъ „Высочайшаго“ источника, и тѣмъ, конечно, создавалъ у сановника, когда къ нему дѣйствительно пріѣзжалъ черезъ полчаса курьеръ съ наградою, представленіе объ исключительныхъ связяхъ князя при Дворѣ.

Угождая петроградскимъ сановникамъ, князь Андроникковъ, конечно, лѣзъ изъ кожи, чтобы угождать Распутину. Такъ, извѣстно изъ показаній прислуги Андроникова, что онъ предоставлялъ свою квартиру для секретныхъ свиданій Распутина съ Хвостовымъ и Бѣлецкимъ, а также и съ епископомъ Варнавою.

Въ то же время кн. Андроникковъ, желая попасть въ тонъ царившему при Дворѣ религіозному настроенію и создать этимъ же слухъ о своей религіозности, въ своей спальнѣ, за особой ширмой, устроилъ подобіе часовни, поставивъ большое распятіе, аналой, столикъ съ чашей для освященія воды, кропило, рядъ иконъ, подсвѣчниковъ, полное священническое облаченіе, терновый вѣнецъ, хранившійся въ ящикѣ аналоя, и прочее. Достойно примѣчанія, какъ это мною лично установлено, при осмотрѣ его квартиры и при допросѣ его прислуги, что кн. Андроникковъ въ той же самой спальнѣ, по другую сторону ширмы, на своей двуспальной постели предавался самому гнусному.... съ молодыми людьми, дарившими его ласками за обѣщаніе составить протекцію. Послѣднее обстоятельство нашло себѣ подтвержденіе въ рядѣ отобранныхъ мною при обыскѣ у князя Андроникова писемъ отъ такихъ обольщенныхъ имъ молодыхъ людей, которые жаловались въ этихъ письмахъ на то, что онъ ихъ обманулъ въ своихъ обѣщаніяхъ.

При допросѣ мною кн. Андроникковъ старался о многомъ умолчать или извратить фактическую сторону данныхъ обстоятельствъ, но будучи уличенъ мною, на основаніи письменныхъ документовъ, въ завѣдомо ложномъ освѣщеніи событій, завилъ мнѣ: „Вы моя совѣсть“, и далъ мнѣ клятвенное обѣщаніе въ дальнѣйшемъ не лгать. Однако черезъ нѣсколько минутъ допроса онъ былъ мною вновь изобличенъ въ томъ же искаженіи истины; тогда князь обратился ко мнѣ съ просьбой сообщить ему мое имя; я исполнилъ его просьбу и при слѣдующемъ его допросѣ князь мнѣ заявилъ, что спрашивалъ мое имя для того, „чтобы записать въ поминаньице и молиться, какъ за святого человѣка.“

Изъ допроса лицъ, близко стоявшихъ ко Двору, какъ напримѣръ семья Танѣевыхъ, Воейкова, и другихъ, я выяснилъ, что князь Андроникковъ не только не пользовался

какимъ либо авторитетомъ при Дворѣ въ Царской Семьѣ, но отношеніе Ея къ нему было критически-ироническое.

Докторъ тибетской медицины Бадмаевъ водилъ знакомство съ Распутинымъ, но ихъ личныя отношенія не выходили изъ рамокъ отдѣльныхъ услугъ со стороны Распутина по проведенію очень немногочисленныхъ ходатайствъ. Бадмаевъ, будучи бурятомъ, составилъ нѣсколько брошюръ о своемъ краѣ и по этому поводу имѣлъ нѣсколько аудіенцій у Государя, но эти аудіенціи не выходили изъ ряда обычныхъ и отнюдь не носили интимнаго характера.

Хотя Бадмаевъ и былъ врачемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, однако Царская Семья относилась критически къ способамъ его врачеванія; Григорій Распутинъ тоже не былъ поклонникомъ Тибетскихъ медицинскихъ средствъ Бадмаева, а допросомъ Дворцовой прислуги Царской Семьи было несомнѣнно установлено, что Бадмаевъ въ покояхъ Царскихъ Дѣтей въ качествѣ врача никогда не появлялся.

Дворцовый Комендантъ Воейковъ допрашивался мною нѣсколько разъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ былъ заключенъ. Особымъ авторитетомъ и вліяніемъ при Дворѣ, — судя по перепискѣ, найденной у него при обыскѣ, и главнымъ образомъ по письмамъ его жены, дочери Министра Двора Графа Фредерикса, относящимся къ 1914—1915—1916 годамъ, — онъ не пользовался, но былъ цѣнимъ, какъ преданный человѣкъ, по крайней мѣрѣ Царская Семья его считала таковымъ, хотя лично я, изъ цѣлаго ряда бесѣдъ съ нимъ, такого впечатлѣнія не вынесъ. Отношеніе Воейкова къ Распутину, насколько это отношеніе вылилось въ письмахъ перваго къ женѣ, было отрицательнымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ Воейковъ называлъ его злымъ геніемъ Императорскаго дома и Россіи, находя, что онъ дискредитируетъ Тронъ и даетъ богатую пищу для всякого рода самыхъ невѣроятныхъ слуховъ, толковъ и разговоровъ, которые могутъ всегда быть использованы антиправительственными группами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считаясь съ несомнѣннымъ вліяніемъ Распутина на Царскую Семью, Воейковъ не находилъ въ себѣ достаточно гражданскаго мужества отказывать Распутину въ удовлетвореніи отдѣльныхъ частныхъ просьбъ о назначеніяхъ, повышеніяхъ, выдачѣ пособій и. т. д., какъ это видно изъ помѣтокъ Воейкова на вышеупомянутыхъ мною письмахъ къ нему Распутина, найденныхъ при слѣдствіи. Вообще Воейковъ произвелъ на меня впечатлѣніе карьериста, дорожившаго своимъ постомъ и неспособнаго цѣнить то вниманіе и искреннее расположеніе, которое къ нему питали какъ Государь, такъ и Императрица. Въ письмахъ жены къ нему отъ 1915 г. Воейкова умоляла

его оставить службу, ввиду нароставшаго революціоннаго движенія, при чемъ она предостерегала мужа, что при крушеніи государственнаго аппарата его постигнетъ ужасная участь. Эти письма Воейковой всѣ проникнуты болѣзненной ненавистью къ Распутину, какъ къ несомнѣнному виновнику грядущихъ, по ея словамъ, кошмарныхъ событій. Вполнѣ раздѣляя взгляды жены на этотъ счетъ, Воейковъ, тѣмъ не менѣе, оставался на своемъ посту, чтобы разоблачить Распутина и выяснить его настоящую физіономію передъ Царской Семьей.

Много наслышавшись объ исключительномъ вліяніи Вырубовой при Дворѣ и объ отношеніяхъ ея съ Распутинымъ, свѣдѣнія о которыхъ помѣщались въ нашей прессѣ и циркулировали въ обществѣ, я шелъ на допросъ къ Вырубовой въ Петропавловскую крѣпость, откровенно говоря, настроенный къ ней враждебно. Это недружелюбное чувство не оставляло меня и въ канцеляріи Петропавловской крѣпости, вплоть до момента появленія Вырубовой подъ конвоемъ двухъ солдатъ. Когда же вошла Г-жа Вырубова, то меня сразу поразило особое выраженіе ея глазъ: выраженіе это было полно неземной кротости. Это первое благопріятное впечатлѣніе въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ моихъ съ нею вполнѣ подтвердилось. Послѣ первой же недолгой бесѣды, я убѣдился въ томъ, что она, въ силу своихъ индивидуальныхъ качествъ, не могла имѣть абсолютно никакого вліянія, и не только на внѣшнюю, но и на внутреннюю политику Государства, съ одной стороны, вслѣдствіе чисто женскаго отношенія ко всѣмъ тѣмъ политическимъ событіямъ, о которыхъ мнѣ приходилось съ ней бесѣдовать, а съ другой-вслѣдствіе чрезмѣрной ея словоохотливости и полной неспособности удерживать въ секретѣ даже такіе эпизоды, которые внѣ достаточнаго анализа при поверхностной ихъ оцѣнкѣ, могли бы набрасывать тѣнь на нее самое. Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ я убѣдился, что просьба, обращенная къ гжѣ Вырубовой удержать что либо въ секретѣ, была равносильна просьбѣ объ этомъ секретѣ объявить всенародно, такъ какъ она, узнавъ что либо такое, чему она придавала значеніе, тотчасъ же разсказывала объ этомъ не только своимъ близкимъ, но даже мало знакомымъ людямъ.

Достаточно ознакомившись за время этихъ бесѣдъ съ интеллектуальными особенностями Г-жи Вырубовой, я невольно остановился на двухъ основныхъ вопросахъ: 1)о причинахъ нравственнаго ея сближенія съ Распутинымъ и 2) о причинахъ сближенія ея съ Царской Семьей.

При разрѣшеніи перваго вопроса, я натолкнулся случайно въ разговорѣ съ ея родителями, г. г. Танѣевыми,

(статсъ-секретарь Александръ Сергѣевичъ Танѣевъ, управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей, женатый на графинѣ Толстой),-на одинъ эпизодъ изъ жизни ихъ дочери, который, по моему мнѣнію, сыгралъ роковую ролъ въ подчиненіи ея воли вліянію Распутина. Оказалось, что Г-жа Вырубова, будучи еще 16-ти лѣтнимъ подросткомъ, заболѣла брюшнымъ тифомъ, въ тяжелой формѣ. Болѣзнь эта вскорѣ осложнилась мѣстнымъ воспаленіемъ брюшины и врачами положеніе ея было признано почти безнадежнымъ. Тогда г. г. Танѣевы, большіе почитатели гремѣвшаго тогда на всю Россію Протоіерея отца Кронштадскаго, пригласили его отслужить молебенъ у постали болящей дочери. Послѣ этого молебна въ состояніи больной наступилъ благопріятный кризисъ и она стала быстро поправляться.

Этотъ эпизодъ произвелъ, несомнѣнно, огромнѣйшее впечатлѣніе не психику религіозной дѣвушки-подростка, и съ этой минуты ея религіозное чувство получило преобладающее значеніе при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ, которые возникали у нея по различнымъ поводамъ.

Г-жа Вырубова познакомилась съ Распутинымъ во дворцѣ Вел. Кн. Милицы Николаевны, при чемъ знакомство это не носило случайнаго характера, а Великая Княгиня Милица Николаевна подготовляла къ нему Г-жу Вырубову путемъ бесѣдъ съ ней на религіозныя темы, снабжая ее въ то же время соотвѣствующей французской окультистической литературой; затѣмъ однажды Великая Княгиня пригласила къ себѣ Вырубову, предупредивъ, что въ ея домѣ она встрѣтится съ великимъ молитвенникомъ Земли Русской, одареннымъ способностью врачеванія.

Эта первая встрѣча Г-жи Вырубовой, тогда еще дѣвицы Танѣевой, произвела на нее большое впечатлѣніе, въ особенности въ силу того, что она намѣревалась тогда вступить въ бракъ съ Лейтенантомъ Вырубовымъ. При этой первой встрѣчѣ Распутинъ много говорилъ на религіозныя темы, а затѣмъ на вопросъ своей собесѣдницы, благословляетъ ли онъ ея намѣреніе вступить въ бракъ, отвѣтилъ иносказательно, замѣтивъ, что жизненный путь усѣянъ не розами, а терніями, что онъ очень тяжелъ, и что въ испытаніяхъ и при ударахъ судьбы человѣкъ совершенствуется.

Вскорѣ послѣдовавшій бракъ этотъ былъ совершенно неудачнымъ: по словамъ Г-жи Танѣевой, мужъ ея дочери оказался полнымъ импотентомъ, но при томъ съ крайне извращенной половой психикой, выражавшейся въ различныхъ проявленіяхъ садизма, чѣмъ онъ причинялъ своей женѣ неописуемыя нравственныя страданія и вызывалъ къ себѣ чувство полнаго отвращенія. Однако Г-жа Выру-

бова, помятуя слова св. Евангелія, „Еже Богъ сочетавъ, человѣкъ да не разлучаетъ", долгое время скрывала свои нравственныя переживанія отъ всѣхъ, и только послѣ одного случая, когда она была на волосъ отъ смерти на почвѣ садическихъ половыхъ извращеній своего супруга, она рѣшила открыть матери свою ужасную семейную драму. Результатомъ такого признанія Г-жи Вырубовой было расторженіе брака въ установленной законной формѣ. При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, эти объясненія Г-жи Танѣевой о болѣзни супруга ея дочери нашли себѣ полное подтвержденіе въ данныхъ медицинскаго освидѣтельствованія Г-жи Вырубовой, произведеннаго въ маѣ 1917 г. по распоряженію Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи; данныя эти установили съ полной несомнѣнностью, что Г-жа Вырубова дѣвственница.

Вслѣдствіе неудачно сложившейся семейной жизни, религіозное чувство А. А. Вырубовой развивалось все сильнѣе и, можно сказать, стало принимать характеръ религіозной маніи; при этомъ предсказаніе Распутина о терніяхъ жизненнаго пути явилось для Вырубовой истиннымъ пророчествомъ. Благодаря этому она стала самой чистой и самой искренней поклонницей Распутина, который до послѣднихъ дней своей жизни рисовался ей въ видѣ святого человѣка, безсеребренника и чудотворца.

При разрѣшеніи второго изъ поставленныхъ мною выше вопросовъ, уяснивъ себѣ нравственный обликъ Вырубовой, а также и детально изучивъ во время слѣдствія жизнь Царской Семьи и нравственный обликъ Императрицы Александры Феодоровны, я невольно остановился на признанномъ психологіей положеніи, что противоположности часто сходятся и, дополняя другъ друга, придаютъ другъ другу устойчивое равновѣсіе. Неглубокій умъ Вырубовой и чисто философскій складъ мышленія Императрицы были двумя противуположностями, другъ друга дополнявшими; разбитая семейная жизнь Вырубовой заставила ее искать нравственнаго удовлетворенія въ удивительно дружной, можно сказать, идеальной семейной обстановкѣ Императорской Семьи. Общительная и безхитростная натура Вырубовой вносила ту искреннюю преданность и ласку, которой не хватало въ тѣсно замкнутой Царской Семьѣ со стороны Царедворцевъ, ее окружавшихъ. А общее у этихъ столь различныхъ двухъ женщинъ нашлось тоже, — это любовь къ музыкѣ. Императрица обладала пріятнымъ сопрано, а у Вырубовой было хорошее контральто, и онѣ часто, въ минуты отдохновенія, пѣли дуэты.

Вотъ тѣ условія, которыя у непосвященныхъ въ тайны близкихъ отношеній между Императрицей и Вырубовой должны были породить слухи о какомъ-то исключительномъ

вліяніи Вырубовой на Царскую Семью. Но, какъ раньше сказано, вліяніемъ при Дворѣ Вырубова не пользовалась и пользоваться не могла; слишкомъ большой былъ перевѣсъ умственныхъ и волевыхъ данныхъ Императрицы надъ умственно-ограниченной, но беззавѣтно преданной и горячо любящей сначала фрейлиной Танѣевой, а затѣмъ, сдѣлавшейся домашнимъ человѣкомъ въ Царской Семьѣ, г-жей Вырубовой. Отношенія Императрицы къ Вырубовой можно опредѣлить отношеніями матери къ дочери, но не больше того. Дальнѣйшимъ связывающимъ звеномъ этихъ двухъ женщинъ было одинаково сильно развитое, какъ у одной, такъ и у другой, религіозное чувство, которое привело ихъ къ трагическому поклоненію личности Распутина.

Мои предположенія о нравственныхъ качествахъ Г-жи Вырубовой, вынесенныя изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ нею въ Петропавловской крѣпости, въ арестномъ помѣщеніи, и наконецъ въ Зимнемъ Дворцѣ, куда она являлась по моимъ вызовамъ, вполнѣ подтверждались проявленіемъ ею чисто христіанскаго всепрощенія въ отношеніи тѣхъ, отъ кого ей много пришлось пережить въ стѣнахъ Петропавловской крѣпости. И здѣсь необходимо отмѣтить, что объ этихъ издѣвательствахъ надъ Г-жей Вырубовой со стороны крѣпостной стражи я узналъ не отъ нея, а отъ Г-жи Танѣевой; только лишь послѣ этого Г-жа Вырубова подтвердила все сказанное матерью, съ удивительнымъ спокойствіемъ и незлобивостью, заявивъ „они не виноваты, не вѣдаютъ бо, что творятъ". По правдѣ сказать, эти печальные эпизоды издѣвательства надъ личностью Вырубовой тюремной стражи, выражавшіеся въ формѣ плеванія въ лицо, сниманія съ нея одежды и бѣлья, сопровождаемаго битьемъ по лицу и по другимъ частямъ тѣла больной, еле двигавшейся на костыляхъ женщины, и угрозъ лишить жизни „наложницу Государя и Григорія", побудили Слѣдственную Комиссію перевести Г-жу Вырубову въ арестное помѣщеніе при бывшемъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи.

Въ смыслѣ освѣщенія интересовавшихъ меня событій, Г-жа Вырубова являлась полной противоположностью князя Андроникова: всѣ ея объясненія на допросахъ въ дальнѣйшемъ, при провѣркѣ на основаніи подлежащихъ документовъ, всегда находили себѣ полное подтвержденіе и дышали правдой и искренностью; единственнымъ недостаткомъ показаній Г-жи Вырубовой являлось чрезвычайное многословіе, можно сказать болтливость и поразительная способность перескакивать съ одной мысли на другую, не отдавая себѣ въ томъ отчета, т. е. опять таки такія качества, которыя не могли создать изъ нея политическую фигуру. Г-жа Вырубова всегда просила за всѣхъ, потому

къ ея просьбамъ при Дворѣ и было соотвѣтствующее осторожное отношеніе, какъ бы учитывались ея простодушіе и простота.

Нравственный обликъ Императрицы Александры Феодоровны достаточно ярко выяснился для меня изъ переписки ея съ А. А. Вырубовой и съ Государемъ. Эта переписка, веденная на французскомъ и на англійскомъ языкѣ, была вся проникнута горячимъ чувствомъ любви къ мужу и дѣтямъ. Воспитаніемъ и образованіемъ Своихъ дѣтей Императрица завѣдывала Сама лично, почти по всѣмъ предметамъ, кромѣ узко-спеціальныхъ. Въ помянутой перепискѣ Императрицы неоднократно указывалось на то, что дѣтей не надо баловать игрушками и пробуждать у нихъ страсть къ роскоши. Вмѣстѣ съ тѣмъ переписка носила печать глубокой религіозности. Государыня въ письмахъ къ мужу часто описываетъ свои переживанія во время прослушанныхъ Ею богослуженій и часто говоритъ о чувствѣ полнаго удовлетворенія и нравственнаго покоя, который Она испытывала послѣ горячей молитвы.

Вообще надо замѣтить, что во всей этой обширной перепискѣ почти нѣтъ никакихъ указаній или разсужденій на политическую тему; переписка эта носила чисто интимный, семейный характеръ. Тѣ мѣста переписки, въ которыхъ говорится о Распутинѣ, именуемомъ въ ней старцемъ, достаточно освѣщаютъ отношенія Императрицы къ этому человѣку, какъ къ проповѣднику Слова Божія, къ прорицателю и искреннѣйшему печальнику за Царскую Семью.

Во всей этой перепискѣ, на протяженіи почти десяти лѣтъ, мнѣ не попадалось ни однаго письма на нѣмецкомъ языкѣ, а допросомъ приближенныхъ ко Двору лицъ я установилъ, что нѣмецкій языкъ еще задолго до послѣдней всемірной войны при Дворѣ не примѣнялся. Въ связи съ упорными слухами объ исключительной симпатіи Императрицы къ нѣмцамъ и о существованіи въ Царскихъ Покояхъ прямого провода въ Берлинъ, мною были произведены осмотры помѣщеній Императорской фамиліи, причемъ никакихъ указаній на сношеніе Императорскаго Дома съ нѣмецкимъ, во время войны, установлено не было. При провѣркѣ же мною слуховъ объ исключительно благожелательномъ отношеніи Императрицы къ раненымъ военнопленнымъ нѣмцамъ, выяснилось, что отношеніе Ея къ раненымъ нѣмцамъ было такимъ же одинаково теплымъ, какъ и къ раненымъ русскимъ воинамъ, причемъ такое свое отношеніе къ раненымъ Императрица объясняла выполненіемъ лишь Завѣта Спасителя, говорившаго, что кто посѣтитъ больного, тотъ посѣтитъ Его Самаго.

Въ силу многихъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ и постояннаго болѣзненнаго состоянія Императрицы, вслѣдствіе ея болѣзни сердца, Царская Семья вела удивительно замкнутый образъ жизни, что естественно способствовало самоуглубленію и развитію религіознаго чувства, принявшаго у Государыни совершенно исключительный, преобладающій характеръ. На почвѣ этой религіозности Александра Феодоровна вводила монастырскій уставъ Богослуженія въ нѣкоторыхъ придворныхъ Церквахъ, и съ особымъ наслажденіемъ, несмотря на болѣзненное состояніе, выстаивала до конца длившіяся долгими часами службы. Это исключительное религіозное настроеніе Императрицы Александры Феодоровны и послужило единственной причиной преклоненія Ея передъ личностью Григорія Распутина, который несомнѣнно, какъ уже было объяснено, обладая способностью внушенія, благотворно дѣйствовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на состояніе здоровья тяжко больного Наслѣдника. При этомъ, вслѣдствіе своей религіозной настроенности, Императрица не могла объективно оцѣнивать источникъ несомнѣнно поразительнаго вліянія Распутина на состояніе здоровья Наслѣдника, и искала этотъ источникъ не въ гипнотической силѣ, а въ тѣхъ высшихъ Небесныхъ Силахъ, которыми былъ надѣленъ, по Ея глубокому убѣжденію, за свою святую жизнь, Распутинъ. Года за полтора до переворота 1917 г. извѣстный бывшій монахъ Иліодоръ Труфановъ, о которомъ было уже выше упомянуто, прислалъ въ Петроградъ изъ Христіаніи свою жену съ порученіемъ предложить Царской Семьѣ купить у него въ рукописи написанную имъ книгу, выпущенную впослѣдствіи подъ названіемъ „Святой Чертъ", гдѣ онъ описываетъ отношенія Распутина къ Царской Семьѣ, набрасывая на эти отношенія тѣнь скобрезности. Этимъ вопросомъ заинтересовался Департаментъ Полиціи, и на свой рискъ и страхъ вступилъ въ переговоры съ женою Иліодора о пріобрѣтеніи этой книги, за которую Иліодоръ просилъ, на сколько помню, 60.000 рублей. Въ концѣ концовъ дѣло это было представлено на усмотрѣніе Императрицы Александры Феодоровны, Которая съ негодованіемъ отвергла гнусное предложеніе Иліодора, заявивъ, что „бѣлое не сдѣлаешь чернымъ, а чистаго человѣка не очернишь".

Считаю нужнымъ обратить вниманіе, заканчивая этотъ очеркъ, что въ дѣлѣ выдвиженія Распутина ко Двору принимали въ свое время особо горячее участіе Великія Княгини Анастасія и Милица Николаевны, Духовникъ ихъ Величествъ Епископъ Феофанъ и Епископъ Гермогенъ. Поэтому отношеніе Императрицы Александры Феодоровны къ Распутину было съ первыхъ же шаговъ довѣрчиво-

благожелательнымъ и съ теченіемъ времени оно только усиливалось, вслѣдствіе причинъ, уже нами указанныхъ.

Подлинное подписалъ:

Бывшій командированный въ Чрезвычайную Слѣдственную Комиссію по разслѣдованію злоупотребленій Министровъ, Главноуправляющихъ и другихъ должностныхъ лицъ, съ правомъ производства слѣдственныхъ дѣйствій, Товарищъ Прокурора Екатеринославскаго Окружнаго Суда, Владиміръ Михайловичъ Рудневъ.

г. Екатеринославъ.

28-го марта 1919 г.

Кара Божія.

„Ты положилъ на него благословенія навѣки, возвеселилъ его радостью лица Твоего, ибо Царь уповаетъ на Господа и по благости Всевышняго не поколеблется. Рука Твоя найдетъ всѣхъ враговъ Твоихъ, десница Твоя найдетъ всѣхъ ненавидящихъ Тебя. Во время гнѣва Твоего Ты сдѣлаешь ихъ какъ печь огненную; во гнѣвѣ Своемъ Господь погубитъ ихъ, и пожретъ ихъ огонь. Ты истребишь плодъ ихъ съ земли и сѣмя ихъ — изъ среды сыновъ человѣческихъ, ибо они предприняли противъ Тебя злое, составили замыслы, но не могли выполнить ихъ."

(Псаломъ Давида 20).

„Свобода, равенство и братство" — лозунги „великой" французской революціи, по существу своему, такіе идеальные, красивые. Но при проведеніи ихъ въ жизнь они, въ лучшемъ случаѣ, обращаются въ ничто, надъ ними же высится неотъемлемая принадлежность революціи — кровавая гильотина, ножомъ которой дѣйствительно свободно, равно и по братски рубились головы всѣмъ не желавшимъ, а часто просто не умѣвшимъ во время поклониться кровожадному революціонному Молоху. Ложь, лицемѣріе и потоки крови, крови безъ конца — вотъ истинные символы революціи. Съ особенной яркостью выражаются они и въ потрясающей нынѣ весь міръ „великой" русской революціи. Красной нитью проходятъ эти символы черезъ дѣятельность всѣхъ дѣятелей революціи. Всѣ эти Гучковы, Милюковы, Родзянко, кн. Львовы, Винаверы, Маклаковы, крестные отцы революціи, крупные по своей разрушительной работѣ

и столь блѣдные и безвольные въ дѣлѣ созиданія, ихъ воспитанникъ, въ сущности, психически больной Керенскій и наконецъ ихъ естественные преемники по каиновому дѣлу — Ленинъ и Троцкій, эти умные, наиболѣе яркіе, но демоническіе слуги князя тьмы, затопившіе Россію потокомъ крови и закончившіе начатую ихъ предшественниками работу по ея разрушенію — всѣ они такъ или иначе послужили этимъ революціоннымъ символамъ.

Мрачна картина нашей революціи, что въ душѣ признаютъ и разочаровавшіеся искренніе и честные ея приверженцы, но не менѣе темна и безобразна предшествовавшая ей эпоха, когда шла подготовка къ ней и производился планомѣрный натискъ на самое дорогое достояніе Россіи — Царскую Семью.

Россія вела въ то время величайшую за свое бытіе войну, вынося на своихъ плечахъ всѣ ея тяготы, такъ какъ ея конституціонно-парламентарные союзники только подготовлялись еще къ борьбѣ, задѣлывая свои прорѣхи въ дѣлѣ оборудованія и формированія армій. Верховный Повелитель Россіи, столь миролюбивый по Своей натурѣ, съ болью въ сердцѣ согласившійся на войну, всей Своей благородной душею, всѣми Своими помыслами отдался дѣлу служенія Родинѣ. Вся Его Семья, во главѣ съ Государыней Императрицей Александрой Феодоровной, всецѣло была занята заботами о раненыхъ, бѣженцахъ, семьяхъ запасныхъ солдатъ призванныхъ на войну, снабженіемъ войскъ бѣльемъ. И въ это время у Нихъ же за спиной свила себѣ гнѣздо подлѣйшая измѣна. Умѣло направленная интернаціональными темными силами, съ успѣхомъ продѣлавшими то же съ Людовикомъ XVI и его женой, и нынѣ использовавшими безмѣрное честолюбіе различныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, — со змѣинымъ шипѣніемъ поползла гнусная клевета. Ловко играя именами дѣйствительно нежелательныхъ лицъ, подъ покровомъ святости проникшихъ въ глубоко религіозную Царскую Семью, всѣ эти политиканы начали обвинять въ измѣнѣ Императрицу Александру Феодоровну, окрещенную ими „нѣмкой", подобно тому, какъ ихъ же учителя столѣтіе тому назадъ называли „австріячкой" несчастную Марію Антуанетту. Затѣмъ дошли даже до того, что обвинили Самого Государя Императора въ томъ, что Онъ, пренебрегая интересами государства, желаетъ заключить невыгодный для Россіи сепаратный миръ.

Несмотря на всю явную нелѣпость взводимыхъ обвиненій, клевета успѣшно работала, проникая всюду, начиная и, что особенно позорно, иногда исходя изъ великокняжескихъ дворцовъ, проползая въ дворянскіе хоромы и доходя даже, черезъ офицеровъ, въ солдатскіе окопы. И

вмѣсто того, чтобы встрѣтить сразу рѣзкій горячій отпоръ со стороны тѣхъ, кто въ силу традицій, долга, а главное яснаго смысла данной присяги, долженъ былъ оказать его, эта клевета расползалась все болѣе и болѣе и часто съ какимъ то психопатическимъ наслажденіемъ распространялась именно этими лицами. Симы и Іафеты, въ тайникахъ души болѣвшіе о кое чемъ происходящемъ у Трона, пробовали возражать противъ гнусной клеветы, но ихъ заглушали многочисленные голоса послѣдователей ихъ третьяго брата, чувствовавшаго себя тогда господиномъ положенія.

Казалось, массовое помѣшательство охватило всѣхъ. Государственная полиція, недостаточно внимательно относившаяся къ подготовлявшимся разными „общественными" дѣятелями заговору, изощрялась въ составленіи докладовъ о шумныхъ похожденіяхъ Распутина. Святѣйшій Синодъ направляемый оберъ-прокуроромъ Самаринымъ, попалъ въ то же теченіе и шумно раздувалъ дѣло объ открытіи мощей Святителя Іоанна Тобольскаго. Дворянскіе съѣзды изощрялись другъ передъ другомъ въ вынесеніи наиболѣе ѣдкихъ резолюцій о „темныхъ силахъ". Прогрессивный блокъ Государственныхъ Совѣта и Думы, покровительствовавшій, если даже просто не руководившій этой антидинастической работой, пестрѣлъ придворными мундирами и „монархисты" Пуришкевичъ и Шульгинъ въ запуски старались проявить и себя въ этомъ вопросѣ. Офицерству, и даже гвардейскому, пріѣзжавшему съ истрепанными нервами на отдыхъ въ столицы, прививался тотъ же ядъ, проникавшій и на передовыя позиціи, гдѣ не шифрованными телефонограммами, къ тому же съ комментаріями, сообщалось извѣстіе объ убійствѣ Распутина. Нервно взвинченныя дамы, жены сановниковъ, писали Императрицѣ дерзновенныя письма, дѣлавшіяся сразу извѣстными во всѣхъ свѣтскихъ гостинныхъ и когда затѣмъ слѣдовала мягкая кара, то почти весь сановный Петроградъ спѣшилъ заѣхать съ соболѣзнующимъ визитомъ къ „опальнымъ" лицамъ.

Появись въ то время благородный герой „Войны и мира" Николай Ростовъ, съ его, столь ярко выраженной гр. Львомъ Толстымъ, чистой и единственно возможной идеей вѣрноподданности, исповѣдывавшейся нашими предками — онъ былъ бы жестоко высмѣянъ въ своемъ же кругу, провозгласившемъ своимъ кумиромъ дворянина новаго типа — Михаила Родзянко, эту наиболѣе позорную личность изъ эпохи русскаго лихолѣтія, — дорожившаго своимъ камергерскимъ мундиромъ, проведеннаго въ 4-ую Государственную Думу благодаря давленію центральнаго правительства и оперировавшаго Именемъ Государя Импе-

ратора, якобы желавшаго его избранія, „случайно" заѣзжавшаго и именно въ день рожденія къ Митрополиту Питириму, считавшемуся его же единомышленниками ставленникомъ Распутина и въ то же время участвовавшаго въ антидинастическомъ походѣ, позволявшаго себѣ грубыя выходки въ Царскомъ Дворцѣ.

Послѣдствіемъ этого нравственнаго маразма, охватившаго культурнѣйшіе слои Россіи — должно было случиться то, что переживается теперь ими въ теченіе трехъ лѣтъ. Россія, и въ то время — 1915—1917 г. г. — главнымъ образомъ не мужицкая, тяжко согрѣшила передъ Потомкомъ тѣхъ, кто изъ княжествъ Кіевскаго и Новгородскаго, изъ Царства Московскаго создалъ великую Имперію, омываемую двумя океанами, населенную десятками народностей, необъятную въ своемъ пространствѣ, передъ тою Династіей, которая разъ уже вывела нашу отчизну изъ безнадежнаго положенія въ 1613 году, передъ Тѣмъ, Кто такъ мистически глубоко понималъ, что на Немъ больше чѣмъ правъ лежитъ обязанностей и что, неся нравственную высшую отвѣтственность за судьбы врученнаго Ему свыше Государства, Онъ не можетъ отдавать его на потокъ и разграбленіе отдѣльнымъ политическимъ партіямъ. Онъ сознавалъ всю тяжесть носимаго Имъ, по Божьему изволенію, царскаго вѣнца, но не считалъ Себя въ правѣ пересаживать его фактически на головы разныхъ псевдоотвѣтственныхъ министровъ, являвшихся бы простыми игрушками въ рукахъ тѣхъ же партій.

Вслѣдствіе бунта невоюющихъ солдатъ петроградскаго гарнизона, бунта не подавленнаго по винѣ проникшихъ всюду заговорщиковъ, возстанія черни, возглавленнаго столь популярной въ то время Государственной Думой, — Государь Императоръ былъ отнятъ отъ Россіи. Еще ранѣе въ душѣ нарушивъ долгъ присяги, хотя бы непротивленіемъ распространявшейся клеветѣ, большинство сочло себя и формально освобожденнымъ отъ нея, удовольствовавшись появившейся въ газетахъ телеграммой Государя объ отреченіи отъ престола, не подтвержденной, требуемымъ дѣйствовавшими въ то время Основными Законами, соотвѣтствующимъ Манифестомъ. Одурманенные долгой разрушительной работою люди и среди нихъ много вполнѣ честныхъ и порядочныхъ, не понимали, вѣроятно, что отъ этого обязательства, даннаго передъ Святыми Евангеліемъ и Крестомъ, никто освободить не можетъ. Массовое клятвопреступленіе было совершено, - съ этого момента въ немъ принялъ участіе и простой народъ, — за этимъ неминуемо должно было слѣдовать и возмездіе.

И оно пришло немедленно. Съ первыхъ же дней революціи, когда сразу выявилась полная неспособность къ

управленію великой страной всѣхъ популярныхъ любимцевъ общественнаго мнѣнія, коривша̀го раньше Государя за непризывъ къ власти этихъ „лучшихъ“ людей, тогда, когда въ Храмахъ Божіихъ впервые начинали святотатственно возносить молитвы за „благовѣрное“ временное правительство, ясно было, что Россія докатится и до большевизма, и до проигрыша войны.

Теперь Россія голодная, мерзнущая, вымирающая отъ болѣзней, захлебывающаяся въ потокахъ крови — являетъ собою ужасную картину. Переживъ революціонныя временныя правительства различныхъ формированій, она изнываетъ теперь подъ гнетомъ одной изъ его разновидностей, именуемой совѣтскимъ правительствомъ. А всѣ тѣ, кто такъ храбро боролся съ Царскою Властью, жалобно ноютъ по различнымъ столицамъ Европы и ничего не могутъ сдѣлать съ тою властью, которая сумѣла во время снять плоды съ посаженнаго ими дерева.

И это тяжелое испытаніе, ниспосланное за грѣхи нашей Родинѣ, будетъ продолжаться, какъ и триста лѣтъ тому назадъ, до тѣхъ поръ, пока огромное большинство русскаго народа не покается въ своихъ прегрѣшеніяхъ и, въ особенности, не познаетъ того, насколько оно безмѣрно виновато передъ своимъ Государемъ, Помазанникомъ Божіимъ, свѣтлый духовный образъ Котораго еще ярче вырисовался въ эти мрачные годы лихолѣтія.

„О Господи, Боже милосердный, Боже премудрый, Боже всемогущій! Паки и паки припадаемъ Тебѣ и слезно въ покаяніи и умиленіи сердца вопіемъ: согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, неправдовахомъ предъ Тобою, и воистинну праведно по дѣломъ нашимъ наказуемы есмы“, — эти проникновенныя слова молитвы противъ крамолы долженъ постоянно повторять каждый честный русскій, желающій спасенія имъ же, вольно или невольно, ввергнутой въ бездну несчастной Родинѣ.

Николай Тальбергъ.

30 іюля ст. ст. 1920 г.

Федеральное государственное учреждение культуры "Государственная публичная историческая библиотека России" № 20 г.

ЭР1
4550

Руднев. В.
Правда о
царской семье
и „темных
силах“
Н. Тальберг
Капа Бенис
... 542-ав

50 pgs.